

УДК 94(495).01 + 94(363.5) + 94(450).014
DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-235-241

ДРОКТУЛЬФ: ЛАНГОБАРДСКИЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК В АРМИИ ИМПЕРАТОРА МАВРИКИЯ

DROCTULFT: A LOMBARD OFFICER IN THE ARMY OF THE EMPEROR MAURICE

А.Д. Назаров
A.D. Nazarov

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Ural Federal University,
19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia

E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена биографии Дроктульфа, лангобардского военачальника на службе византийских императоров, а также проблеме его самоидентификации. Германцы играли значительную роль в армии Ранней Византии, однако во второй половине VI в. их приток в восточноримские вооруженные силы существенно сократился. Связано это было с консолидацией народов, обитавших в Подунавье, вокруг двух политических объединений: лангобардов и аваров. Таким образом, Дроктульф – один из последних представителей варварской германской знати, находившихся в византийских вооруженных силах. Жизненный путь этого военачальника был полон драматических поворотов. Дроктульф был свевом по рождению, но сумел стать лангобардским герцогом. Впоследствии он перешел на службу в восточноримскую императорскую армию. Под ее знаменами германский военачальник воевал с лангобардами и аварами. Столь значительные перемены оказали существенное влияние на его самосознание, в котором проявилась принадлежность Дроктульфа к различным политическим и социальным группам, находившимся в состоянии конфликта друг с другом.

Abstract

The article is devoted to biography of Droctulft, a Lombard commander on the service for the Byzantine emperors, as well as a problem of his self-identification. Germans played a significant role in the army of Early Byzantium. However, in the second half of the 6th century, their inflow into the East Roman armed forces appreciably decreased. The reason of this process was consolidation of peoples inhabiting the Danube region around two political associations: the Lombards and the Avars. Droctulft was one of the last representatives of barbarian German nobility who were in the Byzantine army. His life path was full of dramatic turns. Droctulft was a man of Suevic origin, but by fighting in the Lombard forces, he proved himself well and achieved the ducal title. Subsequently, Droctulft moved to the side of Byzantium and fought against the Lombards and the Avars under the banners of the imperial army. Such changes affected his self-awareness which reflected Droctulft's belonging to the various political and social groups that were in conflict with each other.

Ключевые слова: Византийская империя, лангобарды, Равеннский экзархат, византийская армия, варварская идентичность

Keywords: Byzantine empire, Lombards, Exarchate of Ravenna, Byzantine army, barbarian identity.

Восточная Римская империя в VI в. активно привлекала в свои войска германских воинов. Чаще всего это было связано с необходимостью восполнить недостаток армейских кадров в условиях непрекращающихся войн. Варвары, оказавшись на службе в импе-

раторской армии, вступали в контакт с совершенно отличной, гораздо более богатой и сложной, культурной средой. В ходе адаптации к новым условиям германцы усваивали преобладавшие в том или ином локальном сообществе идеалы и нормы. Таким образом происходила интеграция варваров в многообразный имперский социум. Однако межкультурное взаимодействие не было односторонним: чужеземцы привнесли в позднеантичную воинскую культуру собственные ценностные представления, знакомили византийских солдат и командиров со своими приемами ведения боевых действий и т.д. Тем не менее, после смерти Юстиниана I в 565 г. масштабы набора германцев в восточноримские вооруженные силы значительно сократились.

Причиной тому было объединение значительного числа варварских племен перед походом в Италию в 568 г. под властью предводителя лангобардов Альбоина. Для Византии негативные последствия вторжения не исчерпывались территориальными потерями. Процесс консолидации народов, мигрировавших со Среднего Дуная на Апеннины, вокруг лангобардского *gens* существенно ограничил мобилизационные возможности империи, которая ранее активно прибегала к услугам германских наемников и союзных вспомогательных отрядов. Более того, из-за растущего могущества Аварского каганата империя не могла рассчитывать на военную помощь племен, обитавших в Подунавье [Charanis, 1959, p. 32; Teall, 1965, p. 314, 322]. Сложившуюся ситуацию Г.А. Острогорский прокомментировал следующим образом: «Как однажды приток германцев погрузил империю в тяжелый кризис, так и теперь их уход на Запад также породил острый кризис, ибо Византия более не могла покрыть своей потребности в наемниках. Она должна была в большем объеме прибегать к набору среди местного населения и обратила свои взоры к воинственному народу Армении» [Острогорский, 2011, с. 124–125]. В самой Италии подразделения также пополнялись жителями Апеннинского полуострова [Бородин, 1991, с. 185].

В этом контексте символична фигура Дроктульфа. Этот военачальник – один из последних представителей варварской германской знати, находившихся на службе византийских императоров. Ранее его биография рассматривалась исследователями как один из эпизодов противостояния между Византией и лангобардами в Северной Италии [Hodgkin, 1895, p. 242–248; Бородин, 1991, с. 220–222; Moorhead, 2005, p. 154]. Однако сведения источников позволяют не только восстановить этапы жизненного пути Дроктульфа, но и раскрыть некоторые аспекты его мировоззрения. Это важно, поскольку микроисторический анализ дает возможность выйти за рамки истории институциональной или истории социальной, которые зачастую игнорируют индивидуальное содержание событий прошлого. Более того, по выражению Ж. Ревеля, «выбор индивидуального аспекта не означает несовместимости с выбором аспекта социального: индивидуальное призвано сделать возможным новый подход к социальному через нить частной судьбы» [Ревель, 1996, с. 113].

В I–IV вв. лангобарды проживали в низовьях р. Альбис (совр. Эльба) [Буданова и др., 2011, с. 38]. Первые столкновения Римской империи с этим народом датируются временем правления Тиберия (14–37). Речь идет о военных кампаниях цезаря Германика, племянника принцепса, в ходе которых римский полководец нанес германским племенам ряд тяжелых поражений (Vell. Pat. II. 106. 2). В 166–167 гг. лангобарды вместе с убиями совершили опустошительный набег на Нижнюю Паннонию, однако в итоге были разбиты (Dio Cass. LXII. 3. 1a). В V в. они мигрировали в Норик. При Юстиниане I (527–565) Византия заключила с лангобардами договор о военной помощи, предоставив варварам во владение часть Паннонии (Proc. BG. III. 33. 10; IV. 25. 7). Этот союз был выгоден для империи как противовес королевству гепидов в Подунавье [Wozniak, 1979, p. 147–148]. Действительно, по словам Прокопия Кесарийского, «гепиды и лангобарды, став соседями, взаимно возненавидели друг друга» (BG. III. 34. 1). Конфликты между двумя германскими политическими образованиями продолжались вплоть до 567 г., когда лангобарды в союзе с аварами окончательно сокрушили неприятельское государство.

Лангобардский предводитель Аудоин в 550 г. в рамках соглашения о взаимопомощи послал тысячу тяжеловооруженных бойцов Герману, двоюродному брату Юстиниана I

(Proc. BG. III. 39. 22). Впоследствии уже сам император распорядился отправить подкрепления германским союзникам, но они задержались в Иллирике из-за начавшихся там волнений (Proc. BG. IV. 25. 10). Известно также, что в состав войска, находившегося под началом Нарсеса, вошло 5500 лангобардов. В 552 г. они принимали участие в боевых действиях против остготов, завершившихся окончательным поражением короля Тотилы (Proc. BG. IV. 26. 12). Впрочем, византийский полководец относился к лангобардам с подозрением и перед началом сражения при Тагине (*Taginae, Busta Gallorum*) дал им приказ спешиться и занять место в центре боевого построения, чтобы избежать предательства варваров (Proc. BG. IV. 31. 5). Отметим отдельно, что лангобарды под знаменами императорской армии участвовали в войне с Персией в Лазике (541–562) (Agath. III. 20. 10).

Возвращение Италии под власть восточноримских императоров после разгрома государства остготов стало одним из итогов «юстиниановой реконкисты». Тем не менее, империя не располагала достаточными ресурсами, чтобы обеспечить оборону этих земель. Когда в 568 г. лангобарды во главе с Альбоином (569–572) вторглись на Апеннинский полуостров, Византия не сумела организовать сопротивление их натиску: варвары захватывали один город за другим. Только Тицин (совр. Павия) отказался сдаваться врагу без боя, но и он был взят германцами после трехлетней осады (Paul. Diac. Hist. Lang. II. 26–27). Однако Альбоин был убит в 572 г., а через 18 месяцев от руки раба пал его наследник Клеф. После этого лангобарды приняли решение не избирать нового короля, наделив верховной властью 35 герцогов (*duces*). Децентрализация значительно ослабила политическое объединение, в состав которого также входили гепиды, свевы, сарматы, болгары, а также римские переселенцы с территории Паннонии и Норика (Paul. Diac. Hist. Lang. II. 26). Тем не менее, лангобарды продолжили развивать наступление: герцогу Сполето Фароальду удалось даже захватить Классис, порт Равенны (Paul. Diac. Hist. Lang. III. 13). Желая восстановить контроль над утраченными землями, Юстин II (565–578) в 576 г. отправил в Италию войско во главе со своим зятем Бадуарием. Однако эта экспедиция завершилась неудачно, а византийский военачальник погиб (Ioann. Bicl. 576. 1).

Только при Маврикии (584–602) Византия сумела частично вернуть утраченные в Италии позиции. В первую очередь император инициировал заключение союза с Австразией, после чего франки вторглись во владения лангобардов, подвергнув их разорению (Paul. Diac. Hist. Lang. III. 17). Одновременно с этим Византия также попыталась привлечь на свою сторону представителей варварской элиты. Несколько лангобардских вождей перешли на императорскую службу, прельстившись подарками и обещанием наград (Menand. fr. 62). По утверждению Иоанна Эфесского, в 575 г. в армии военного магистра Востока Юстиниана было 60 тыс. лангобардов (VI. 13). Конечно, правдоподобность таких цифр вызывает сомнения, даже если предположить, что сирийский историк не видел никакого различия между лангобардами и прочими германцами. С учетом финансовых, мобилизационных и логистических возможностей, которыми располагала Византия, найм и перемещение такого количества бойцов из Фракии на границу с державой Сасанидов были невозможны. Тем не менее, кесарь Тиверий действительно организовал масштабный набор, готовясь к войне с Персией. При этом в состав экспедиционной армии вошли воины из народов, обитавших по обе стороны Альпийских гор, за Дунаем, в Паннонии (Evagr. V. 14; ср.: Ioann. Eriph. fr. 5).

Среди лангобардов, которых экзарх Равенны Смарагд сумел убедить присоединиться к Византии, отдельного внимания заслуживает герцог Дроктульф (*Droctulfus, Droctulft, Drocton*). Дроктульф происходил из свевов или аламаннов и в детстве был уведён лангобардами в плен (Paul. Diac. Hist. Lang. III. 18). В дальнейшем он добился немалых успехов, сражаясь на их стороне, за что ему был пожалован титул герцога. По словам Павла Диякона, Дроктульф, движимый стремлением «отомстить за пленение», решился на предательство (Hist. Lang. III. 18). В 584 г. после перехода на сторону Византии он захватил Брексилл (совр. Брежелло). Используя этот город как опорный пункт, императорские войска перешли в контрнаступление и вернули контроль над большей частью Паданской

равнины. Между тем лангобарды после ряда неудач были вынуждены сплотиться перед неприятельской угрозой, избрав королем Аутари (584–590), сына Клефа. Под его командованием варвары вернули контроль над Брексиллом, вынудив Дроктульфа отступить в Равенну (Paul. Diac. Hist. Lang. III. 18).

В 585 г. между Византией и лангобардами было заключено трехлетнее перемирие, после чего Дроктульф покинул Италию. В дальнейшем он, предположительно, вместе с отрядом германских наемников [Whitby, 1988, p. 147] находился под началом военного магистра Фракии Иоанна Мистакона. Феофилакт Симокатта, назвавший его Дроктоном (Δρόκτων), охарактеризовал этого военачальника как человека «отважного и в военном деле искусного» (II. 17. 9). По утверждению Дж. Мартиндейла, возведение Дроктульфа в ранг ипостратига свидетельствует о широких полномочиях, которые были предоставлены германцу (PLRE. III. 426). В частности, в 587 г. он руководил операцией по деблокаде Адрианополя (совр. Эдирне), осажденного аварами, и нанес кочевникам поражение (Theoph. Sim. II. 17. 10–11). После захвата лангобардами о. Комацины (совр. Комачина) на оз. Комо в 588 г. Дроктульф вернулся в Италию, где вновь сражался с варварами. Под его командованием византийцы изгнали врагов из Классиса и одержали победу над Фароальдом в водах р. Бадрин (совр. Сантерно) (Paul. Diac. Hist. Lang. III. 19).

После 598 г. Дроктульф находился в подчинении у экзарха Африки Геннадия. Примечательно, что сам римский папа Григорий I в своем письме рекомендовал его карфагенскому наместнику (Ep. IX. 9).

Дж. Мартиндейл установил, что умер Дроктульф после 606 г. (PLRE. III. 427). Он завещал похоронить себя у базилики св. мученика Виталия в Равенне, которого военачальник считал своим покровителем. На его надгробии была высечена эпитафия, текст которой скопировал Павел Диакон (Hist. Lang. III. 19).

Проблема самоидентификации Дроктульфа также представляет немалый интерес. В первую очередь, следует обратить внимание на сомнения Павла Диакона в его этнической принадлежности: он назвал этого полководца свевом или аламанном. Такая неопределенность может быть принята исследователями за небрежность автора, тем более что в источниках V в. и более раннего периода писатели не отождествляли эти два народа [Hummer, 1998, p. 19–20]. Однако Григорий Турский, создавший «Историю франков» в следующем столетии, не видел различия между ними (II. 2). Это позволяет предположить, что в течение VI в. происходил процесс слияния племенных структур свевов и аламаннов. Вероятно, начался он в 470-е гг., когда они заключили между собой союз (Iord. Get. 281). Однако картина усложняется, например, тем фактом, что часть свевов переселилась в Испанию и основала там свое королевство. Х. Хаммер предположил, что этноним *Alamanni* «выражал более общий уровень идентичности», поскольку римляне в данный период в первую очередь были озабочены угрозой, исходившей от готов и гуннов. По этой причине политические и этнические процессы, происходившие среди германских народов, обитавших вдали от имперских границ, не представляли для них интереса [Hummer, 1998, p. 25].

По сведениям Прокопия Кесарийского, некоторые германцы, которые также именовались свевами, осели на Среднем Дунае вблизи Норика (BG. I. 15. 25–27). Именно они вошли в состав войска Альбоина, вторгшегося в Италию. По всей видимости, Дроктульф не отождествлял себя в полной мере с сообществом лангобардов. Будучи свевом по рождению, он сохранил воспоминания о мирном детстве, которое было разрушено неприятельским вторжением и пребыванием в плену. Как отмечалось ранее, войско лангобардов было полиэтничным, в его состав входили, в том числе, и свевы. Не исключено, что Дроктульф возглавлял отряд своих соплеменников. Более того, завоеватели расселялись в Италии компактными кровнородственными группами (Paul. Diac. Hist. Lang. II. 26). Такие объединения назывались фарами (*faerae*) и возглавлялись герцогами [Красновская, 1989, с. 76]. Распад лангобардского королевства на независимые герцогства после гибели Клефа мог стать причиной усугубления противоречий между однородными этническими сообществами и росту партикуляристских настроений, которые ранее пресекались авторите-

том Альбоина. Эти разногласия стали причиной обострения конфликтов среди варварской знати, а затем – измены Дроктульфу.

Тем не менее, его длительное пребывание в составе лангобардского сообщества способствовало усвоению преобладавших в нем ценностей и поведенческих кодов. Необходимо учитывать, что в варварских королевствах понятие о народе было тесно связано с его военной организацией [Ронин, 1989, с. 61]. Совместное участие всего мужского коллектива в войнах содействовало консолидации даже такого неоднородного объединения, как войско Альбоина. Главной целью этого конгломерата племенных ополчений и герцогских дружин было завоевание Северной Италии. Воины, сплоченные общей задачей, вне зависимости от этнической принадлежности были вовлечены в социально-политическую структуру лангобардского *gens*. Именно по этой причине в подобных сообществах более всего ценились достижения на поле брани, а не происхождение. Так, герцогский титул был пожалован не только свеву Дроктульфу, но и тюрингу Агилульфу, которого в 590 г. даже избрали королем, а в VII в. – Аллеку, сыну болгарского хана Кубрата [Priester, 2004, S. 59].

Вместе с тем памятная надпись на саркофаге Дроктульфа гласила: «Длинной была борода, что доходила до его могучей груди» (*longaque robusto pectore barba fuit*). В VI в. ношение бороды среди командиров и рядовых воинов византийской армии было явлением распространенным (см., например: Proc. BV. II. 8. 17). Однако автор эпитафии счел нужным отметить не просто ее наличие, но и немалую длину. В этой связи следует обратиться к легенде о возникновении этнонима *Langobardi*, записанной Павлом Диаконом. По его словам, перед битвой с вандалами женщины из племени винилов (древнее название лангобардов) «распустили косы по лицу, чтобы они казались подобными бороде». Бог Вотан (Годан у Павла Диакона), увидев войско, состоявшее из «длиннобородых» бойцов, даровал им победу (Hist. Lang. I. 8). Известно также, что обряд инициации у лангобардов сопровождался сбриванием бороды (Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 32; VI. 53). Таким же образом наказывали изменников (Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 20). Следовательно, наличие обильной растительности на лице было маркером, выражавшим принадлежность к сообществу лангобардов [Pohl, 2005, S. 564; Pohl, 2006, p. 120]. Это значит, что с ним отождествлял себя и Дроктульф. Более того, обладание титулом герцога свидетельствует о том, что он был членом привилегированной группы.

Текст эпитафии Дроктульфу также гласит, что «Равенну почитал он своей отчиной» (*hanc patriam reputans esse, Ravenna, suam*). Конечно, эта фраза в определенной степени может быть риторической фигурой, призванной возвеличить достоинства усопшего. С другой стороны, не исключено, что экзарх Смарагд позаботился о том, чтобы обеспечить Дроктульфу комфортные условия службы в византийской армии, и это в немалой степени содействовало адаптации германца к новой культурной среде. Наместнику Равенны приходилось решать проблему дефицита военных кадров, и он был всерьез заинтересован в привлечении на свою сторону варваров, обладавших значительным боевым опытом. К тому же, переманивая к себе представителей лангобардской знати, Смарагд рассчитывал разрушить единство в стане неприятеля. Следует также учитывать, что Дроктульф являлся ревностным почитателем культа св. Виталия, именем которого была названа церковь в Равенне. По сути, духовные переживания германского военачальника оказались в значительной степени связаны с этим городом. Он признавал его своим домом, именно здесь он нашел упокоение. Таким образом, в мировоззрении Дроктульфа самоидентификация со свевскими корнями сплеталась с осознанием принадлежности к лангобардской знати. Впоследствии к ним добавилось сугубо интимное восприятие Равенны как родины, где он обрел свою «новую родину».

В эпоху Великого переселения народов самосознание отдельного члена коллектива варварского племени было столь неустойчивым, столь и многослойным [Halsall, 2007, p. 39–40]. Нестабильная ситуация в *barbaricum* постоянно провоцировала все новые и новые кризисы: не только политические, но и кризисы идентичности. Возникновение и распад племенных союзов и, как следствие, интеграция индивидов в состав новых объедине-

ний вынуждала их каждый раз идентифицировать себя с совершенно иной общностью. Приспосабливаясь к обстановке, отличавшейся от прежней, они усваивали отдельные аксиологические паттерны, характерные для других сообществ, однако при этом продолжали хранить память о старых социальных связях. Малые общности, влившиеся в состав более крупных, теряли связь с *Traditionskern* и оказывались обреченными на забвение своими потомками, которые в дальнейшем ассоциировали себя с иными коллективами. Конечно, некоторые из таких малых групп сознательно стремились обособить себя от остальных [Heather, 1998, p. 99–102, 110]. Однако подобным сообществам-аутсайдерам на территории Византийской империи проводить такую политику было весьма затруднительно.

Необходимо констатировать, что потрясения эпохи Великого переселения народов стали не только катализаторами социокультурных трансформаций в армии Ранней Византии, политических сдвигов в пределах постримского мира и т.д., но и причиной множества человеческих трагедий. Вместе с тем личный опыт всякого варвара, присягнувшего на верность императору, его мотивы перехода на сторону Византии были индивидуальны. Некоторые из них шли на компромисс с восточноримскими властями не только по материальным соображениям или иным причинам практического характера, но также под влиянием личных факторов. Политические объединения германцев в этот период были образованиями аморфными, устойчивость которых в значительной степени зависела от авторитета предводителя. Византийская администрация отчетливо это осознавала и использовала противоречия в среде германской знати, привлекая варварских вождей на службу в императорскую армию.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-31-00027.

Список литературы

References

1. Бородин О.Р. 1991. Византийская Италия в VI–VIII веках. (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, День, 366.
Borodin O.R. 1991. Vizantijskaja Italija v VI–VIII vekah. (Ravennskij ekzarhat i Pentapol'). Barnaul, Den', 366. (in Russian)
2. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2011. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб., Алетейя, 336.
Budanova V.P., Gorskij A.A., Ermolova I.E. 2011. Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i social'nye aspekty. St.-Petersburg, Aletejja, 336. (in Russian)
3. Красновская Н.А. 1989. Процессы формирования малых периферийных этносов в Италии. В кн.: Романия и Барбария. Отв. ред. С.А. Арутюнов, Н.А. Красновская, Э.А. Рикман. М., Наука: 48–95.
Krasnovskaja N.A. 1989. Processy formirovanija malyh periferijnyh etnosov v Italii. In: Arutjunov S.A., Krasnovskaja N.A., Rikman E.A., eds. Romanija i Barbarija. Moscow, Nauka: 48–95. (in Russian)
4. Острогорский Г.А. 2011. История Византийского государства. Пер. с нем. М.В. Грацианского. М., Сибирская Благовонница, 895.
Ostrogorskij G.A. 2011. Istorija Vizantijskogo gosudarstva. Transl. from German by M.V. Gracianskij. Moscow, Sibirskaja Blagovonnica, 895. (in Russian)
5. Ревель Ж. 1996. Микроисторический анализ и конструирование социального. В кн.: Одиссей: Человек в истории. М., Coda: 110–127.
Revel J. 1996. Mikroistoricheskij analiz i konstruirovanie social'nogo. In.: Odissej: Chelovek v istorii. Moscow, Coda: 110–127. (in Russian)
6. Ронин В.К. 1989. Франки, вестготы, лангобарды в VI–VIII вв.: политические аспекты самосознания. В кн.: Одиссей: Человек в истории. М., Наука: 60–76.
Ronin V.K. 1989. Franki, vestgoty, langobardy v VI–VIII vv.: politicheskie aspekty samosoznanija. In: Odissej: Chelovek v istorii. Moscow, Nauka: 60–76. (in Russian)
7. Bekker I., ed. 1897. Theophylacti Simocattae historiarum. In: Bekker I., ed. Theophylactus Simocatta. Genesisius. Bonn, Ed. Weber: 30–346.

8. Bethmann L., Waitz G., eds. 1878. *Pauli historia Langobardorum*. In: Holder-Egger O., ed. *Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX*. Hannover, Bibliopolii Hahniani: 12–219.
9. Bidez J., Parmentier L., eds. 1898. *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia*. London, Methuen & Co., 358.
10. Charanis P. 1959. *Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century*. *Dumbarton Oaks Papers*, 13: 23–44.
11. Dio Cassius. 1925. *Dio's Roman History. Books LXI–LXX. Vol. 8*. Transl. by E. Cary. London, William Heinemann, 502.
12. Ewald P., Hartmann L., eds. 1893. *Gregorii I papae registrum epistolarum. T. 2. Pars 1. Libri VIII–IX*. Berlin, Weidmann, 267.
13. Guadet J., Taranne N.R., eds. 1836. *Sancti Georgii Florentii Gregorii, episcopi Turonensis, historiae ecclesiasticae Francorum libri decem. T. 1*. Paris, Jules Renoird, 552.
14. Halsall G. 2007. *Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568*. Cambridge, Cambridge University Press, 616.
15. Heather P.J. 1998. *Disappearing and Reappearing Tribes*. In: Pohl W., Reimitz H., eds. *Strategies of Distinction: the Construction of Ethnic Communities, 300–800*. Leiden, Brill: 95–111.
16. Hodgkin Th. 1895. *Italy and Her Invaders, 553–600. Vol. 5. Book VI: The Lombard Invasion*. Oxford, Clarendon Press, 530.
17. Hummer H.J. 1998. *The Fluidity of Barbarian Identity: the Ethnogenesis of Alemanni and Suebi, AD 200–500*. *Early Medieval Europe*, 7 (1): 1–27.
18. John of Ephesus. 1860. *The Third Part of the Ecclesiastical History of John, Bishop of Ephesus*. Transl. by R. Payne Smith. Oxford, Oxford University Press, 496.
19. Keydell R., ed. 1967. *Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque*. Berlin, De Gruyter, 274.
20. Martindale J.R., ed. 1992. *The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III A: A.D. 527–641*. Cambridge, Cambridge University Press, 808.
21. Mommsen Th., ed. 1894. *Ioannis abbatis Biclarenensis chronica*. In: Mommsen Th., ed. *Chronicum minorum. Saec. IV, V, VI, VII. Vol. 2*. Berlin, Weidmann: 207–220.
22. Mommsen Th., ed. 1882. *Iordanis Romana et Getica*. Berlin, Weidmann, 287.
23. Moorhead J. 2005. *Ostrogothic Italy and the Lombard Invasions*. In: Fouracre P., ed. *The New Cambridge Medieval History. Vol. 1. C. 500 – c. 700*. Cambridge, Cambridge University Press: 140–161.
24. Müller C., ed. 1885. *Ioannis Epiphaniensis fragmentum*. In: *Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. 4*. Paris, Ambrosio Firmin Didot: 271–276.
25. Müller C., ed. 1885. *Menandri Protectoris historia*. In: *Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. 4*. Paris, Ambrosio Firmin Didot: 200–269.
26. Pohl W. 2005. *Geschichte und Identität im Langobardenreich*. In: Pohl W., Erhard P., Hg. *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften: 555–566.
27. Pohl W. 2006. *Telling the Difference: Signs of Ethnic Identity*. In: Noble T.F.X., ed. *From Roman Provinces to Medieval Kingdoms*. London: Routledge: 99–138.
28. Priester K. 2004. *Geschichte der Langobarden. Gesellschaft – Kultur – Alltagsleben*. Stuttgart, Konrad Theiss Verlag, 208.
29. Procopius. 1916. *History of the Wars. Books III–IV. Vol. 2*. Transl. by H.B. Dewing. London, William Heinemann, 506.
30. Procopius. 1924. *History of the Wars. Books VI (continued) and VII. Vol. 4*. Transl. by H.B. Dewing. London, William Heinemann, 514.
31. Procopius. 1928. *History of the Wars. Books VII (continued) and VIII. Vol. 5*. Transl. by H.B. Dewing. London, William Heinemann, 464.
32. Teall J.L. 1965. *The Barbarians in Justinian's Armies*. *Speculum*, 40 (2): 294–322.
33. Velleius Paterculus. 1924. *The Roman History*. In: Velleius Paterculus. *Compendium of Roman History. Res Gestae Divi Augusti*. Transl. by F.W. Shipley. London, William Heinemann: 1–329.
34. Whitby M. 1988. *The Emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare*. Oxford, Clarendon Press, 398.
35. Wozniak F.E. 1979. *Byzantine Diplomacy and the Lombard-Gepidic Wars*. *Balkan Studies*, 20 (1): 139–158.